2658
Р-91
читальня

68

ДУМНЫЙ ДЬЯКЪ

ИВАНЪ ТАРАСЬЕВИЧЪ

ГРАМОТИНЪ.

(1606—1638)

Михаила Пуцилло.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Хромолитографія и Типографія В. Граціанскаго, Невскій проспектъ, д. № 46.

1878.

ИЗЪ КНИГЪ
С. А. БѢЛОКУРОВА.
VIII, 31/1

ДУМНЫЙ ДЬЯКЪ

ИВАНЪ ТАРАСЬЕВИЧЪ

ГРАМОТИНЪ.

(1606—1638)

Михаила Пуцилло.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Хромолитографія и Типографія В. Граціанскаго, Невскій проспектъ, д. № 46.

1878.

ИЗЪ КНИГЪ
С. А. БѢЛОКУРОВА.

2987

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26 іюля 1878 г.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛІОТЕКА
533441
М

DB58
P-91

Въ исторіи встрѣчаются личности, которыя пріобрѣли себѣ громкую извѣстность не подвигами на пользу своего отечества, не выдающимися нравственными достоинствами, но важными преступленіями, измѣной государству или существеннымъ вредомъ, нанесеннымъ родинѣ. Въ русской исторіи такихъ личностей не много; но память о нихъ живетъ еще въ народѣ. Ежели мы касаемся біографіи думнаго дьяка И. Т. Грамотина, то только потому, что его жизнь представляется намъ крайне интересною по той роли, которую онъ игралъ въ Смутное время, — время междуцарствія и самозванцевъ. Онъ,—какъ это иногда говорится въ просторѣчіи, — то и дѣло что присягалъ и отсягалъ. Но, происходило это въ такую пору, когда, по выраженію великой инокини Марфы Ивановны, употребленному ею въ рѣчи, произнесенной выборнымъ, пришедшимъ въ Ипатьевскій монастырь,—люди московскіе

измалодушествовались. Все же странно, что такой человѣкъ, какъ Грамотинъ, совершившій столь тяжкія государственныя преступленія, предъ которыми блѣднѣетъ преступленіе Мазепы, не только остался безнаказаннымъ, но продолжалъ подвизаться на поприщѣ государственной дѣятельности, на которой былъ положительно вреденъ.

Въ краткой біографіи Грамотина [1]) Бантышъ-Каменскій опредѣляетъ его слѣдующими словами: «Мужъ государственный, царедворецъ ловкій, пронырливый, обезславившій имя свое гнусною измѣною и постыднымъ себялюбіемъ». Говоря такимъ образомъ, объ этомъ человѣкѣ, Бантышъ-Каменскій ничего не упоминаетъ о его умѣ; а между тѣмъ ежели Грамотинъ и имѣлъ успѣхъ на такомъ скользкомъ пути, какимъ былъ его путь, то обязанъ этимъ лишь своему необыкновенно тонкому уму. Этимъ только и можно объяснить почему голова Грамотина не попала на плаху подъ топоръ.

Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ съ своею богатою библіо-

[1]) Словарь достопамятныхъ людей русской земли. Ч. II, стр. 153—156.

текою и драгоцѣнными старинными документами, далъ любопытный матеріалъ для настоящаго біографическаго очерка; но, къ сожалѣнію, происхожденіе Грамотина и его семейная жизнь до 1606 года намъ остаются совершенно неизвѣстными. Только съ 1606 года Грамотинъ выступаетъ въ роли думнаго дьяка, въ переговорахъ съ польскими послами. Въ это достоинство онъ былъ возведенъ Лжедмитріемъ, которому вслѣдъ за тѣмъ измѣнилъ. При воцареніи Василія Іоанновича Шуйскаго, Грамотинъ стремился также занять высокое положеніе; но, какъ видно, это ему не удалось, а потому, онъ, снова нарушивъ присягу 1608 года, бѣжалъ въ село Тушино къ утвердившемуся тамъ второму Лжедмитрію, хотя и зналъ его обманъ [2]). Очевидно, что Грамотинъ, какъ человѣкъ въ высшей степени честолюбивый, поставилъ себѣ задачею въ жизни имѣть важное значеніе при дворѣ; для выполненія этой задачи онъ не останавливался ни передъ какими средствами.

Состоя на службѣ у Самозванца, Грамотинъ, въ 1609 году, вмѣстѣ съ другимъ измѣнникомъ, Михаиломъ Салтыковымъ, подъѣзжалъ

[2]) Исторія Государства Россійскаго. Т. III, третье изд.

къ стѣнамъ Троицкой Лавры, осаждаемой поляками, и старался склонить мужественныхъ монаховъ сдаться и предоставить полякамъ занять Лавру; онъ нагло увѣрялъ, что междуусобная война уже прекратилась въ Россіи, что Москва встрѣчаетъ Дмитрія и Шуйскій съ сингклитомъ въ его рукахъ; но храбрые иноки имъ отвѣчали: «Всевышній съ нами и никого не боимся. Хотите-ли, чтобы мы вамъ вѣрили? Скажите, что князь Михаилъ подъ Тверью тѣлами литовскими и вашими сравнялъ Волгу съ берегами и напиталъ звѣрей плотоядныхъ: не усомнимся и восхвалимъ Бога! Ложь не побѣда: идите съ мечемъ на мечъ и Господь разсудитъ виновнаго съ правымъ» [3])!

Когда счастіе перестало благопріятствовать Самозванцу и онъ принужденъ былъ ускакать изъ Тушинскаго лагеря, Грамотинъ, въ 1610 году, рѣшился отправиться къ Сигизмунду III и тамъ, въ ожиданіи отъ него милостей, умолялъ его 31 января «быть заступникомъ нашего православія и тѣмъ снискать милость Всевышняго»; потомъ, въ пространной рѣчи, изобразилъ вы-

[3]) Исторія Государства Россійскаго. Т. XII, третье изд. стр. 185—186.

годы, безопасность и благоденствіе обѣихъ державъ, которыя современемъ будутъ соединены подъ скипетромъ Владислава; клялся съ товарищами своими бросить Шуйскаго и Самозванца, вѣрно служить государю Владиславу, и доколѣ онъ еще не царствуетъ, служить его отцу[4]).

Съ этихъ поръ, мы видимъ Грамотина дѣятелемъ въ качествѣ агента Сигизмунда III и поэтому участникомъ во всѣхъ переворотахъ. — Немудрено, что такой ловкій и умный человѣкъ какъ Грамотинъ, обладавшій несомнѣнно даромъ слова, получалъ важныя порученія отъ Сигизмунда и былъ его любимцемъ. Когда несчастный Шуйскій лишился престола, а затѣмъ былъ насильно постриженъ, тогда Грамотинъ явился въ занятую поляками Москву, какъ бы изгнанникъ и страдалецъ за любовь къ отечеству. Онъ тотчасъ-же былъ назначенъ Сигизмундомъ присутствовать въ Помѣстномъ Приказѣ и въ Боярской Думѣ, именуясь печатникомъ [5])

---

[4]) Бантышъ-Каменскій. Словарь достопамятныхъ людей русской земли. Ч. II, стр. 154.

[5]) Печатникъ или хранитель государевой печати (Garde des sceaux) былъ важнымъ человѣкомъ. Такъ по этикету, цари никакихъ актовъ и документовъ не подписывали, а подпись ихъ замѣнялась печатью, которую прикладывалъ печатникъ, скрѣпляя при этомъ актъ своею подписью. Впо-

и думнымъ дьякомъ; кромѣ того, Грамотинъ получилъ въ награду «четвертное жалованье» [6]) и съ 20 января 1611 года присутствовалъ въ Посольскомъ Приказѣ. Но, прибывая въ Москвѣ, Грамотинъ не хотѣлъ потерять своего значенія при польскомъ дворѣ и поэтому велъ дѣятельную переписку съ литовскимъ канцлеромъ Сапѣгою и извѣщалъ его обовсемъ, происходившемъ въ Москвѣ. Въ Историческихъ Актахъ (Изд. Археографической Коммиссіи, Т. II. 1598—1613 г.) находится письмо Грамотина къ Сапѣгѣ, писанное въ сентябрѣ 1610 г., о присягѣ, принесенной королевичу Владиславу, патріархомъ, всѣмъ духовенствомъ и боярами. Тамъ же напечатано и другое его письмо отъ 16 декабря 1610 года, объ убіеніи въ Калугѣ Самозванца; въ этомъ униженномъ письмѣ къ польскому магнату, Грамотинъ пишетъ съ какимъ-то злорадствомъ о случившемся... «про Калужскаго есть новины добрые, же его забито, о

слѣдствіи, начальники Посольскаго Приказа носили титулъ оберегателей польскихъ дѣлъ и Государственной печати. Отъ нихъ, право храненія и прикладыванія ея къ манифестамъ, грамотамъ, трактатамъ, дипломамъ и т. п. преемственно перешло къ государственному канцлеру иностранныхъ дѣлъ.

[6]) Четверть получаемаго оклада жалованья.

чемъ до короля его милости будутъ писать бояре».

Въ сентябрѣ 1612 года, Грамотинъ поѣхалъ въ качествѣ посланника отъ осажденныхъ въ Москвѣ бояръ къ Сигизмунду бить ему челомъ, чтобы послалъ своего сына Владислава къ нимъ на царство; но во время его отсутствія, 22 октября, Москва была освобождена Пожарскимъ, а поляки прогнаны, частью же истреблены. Такимъ образомъ, Грамотинъ снова избѣгнулъ, можетъ быть, преслѣдованія за свою приверженность къ полякамъ со стороны русской партіи, партіи Пожарскаго.

Далѣе мы видимъ, что Сигизмундъ, опоздавшій захватить русскій престолъ, отправился въ походъ, чтобы силою заставить Москву признать своимъ царемъ его сына Владислава; при этомъ онъ взялъ съ собою одного изъ содержавшихся въ плѣну россійскихъ пословъ, князя Данилу Ивановича Мезецкаго [7]) и Ивана Грамотина. Затѣмъ, подойдя къ Москвѣ и узнавъ, что она уже занята русскими, Сигизмундъ отправилъ

---

[7]) Составителя первой описной книги дѣламъ Посольскаго Приказа въ 1614 году, при сотрудничествѣ дьяка Петра Данилова, какъ это видно изъ ея заглавія.

туда сильный отрядъ подъ командой Жолкевскаго съ повелѣніемъ узнать состояніе Москвы и насколько сильно русское войско, овладѣвшее ею; съ тѣмъ же порученіемъ Сигизмундъ послалъ Мезецкаго и Грамотина и для того, чтобы они уговорили московскихъ начальниковъ признать уже принесенную королевичу присягу; но краснорѣчіе Грамотина на этотъ разъ было тщетно и Москва, не смотря на свой страхъ передъ превосходными силами поляковъ, выслала свои войска для отраженія ихъ. Поляки принуждены были отступить; а послѣ неудачъ въ дѣйствіяхъ противъ Волоколамска, равно и Горѣлаго городища близь Вязьмы, которыми поляки не могли овладѣть, Сигизмундъ возвратился въ Польшу. Понятно, что Грамотинъ послѣдовалъ за нимъ въ Варшаву.

Когда, 11 февраля 1613 года, Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ былъ возведенъ на престолъ, то Грамотинъ вѣроятно стремился сблизиться и пріобрѣсти благоволеніе Филарета Никитича, содержавшагося въ плѣну у поляковъ; въ этомъ онъ не только имѣлъ успѣхъ, но, вернувшись въ Москву, пріобрѣлъ расположеніе самаго царя, такъ какъ мы видимъ Грамотина

въ его прежнемъ званіи думнаго дьяка, читающимъ въ 1618 году, предъ государемъ, Столбовскій договоръ, заключенный со шведами. Несомнѣнно, что Грамотинъ, умѣвшій блеснуть краснорѣчіемъ, овладѣлъ довѣріемъ государя и былъ употребляемъ въ качествѣ оратора при всѣхъ важныхъ случаяхъ. Въ 1619 году, при нареченіи патріархомъ Филарета Никитича, Грамотинъ говорилъ ему убѣдительную рѣчь отъ лица его державнаго сына; а затѣмъ, когда Грамотинъ былъ посланъ къ Филарету вмѣстѣ съ княземъ Одоевскимъ и вологодскимъ архіепископомъ Макаріемъ звать его въ царскія палаты, то снова произнесъ прибывшему патріарху блестящую рѣчь. Въ 1621 и 1622 году Грамотинъ имѣлъ конференціи съ англійскими и турецкими послами [8]); а въ 1625 году, имѣлъ важное порученіе отъ царя Михаила Ѳедоровича и его отца, патріарха Филарета, въ дѣлѣ о Ризѣ Господней, которую прислалъ въ Москву въ томъ же году персидскій шахъ Аббасъ. При завоеваніи Грузіи, шахъ взялъ эту святыню и, вслѣдствіе домогательствъ Михаила

[8]) Портфель Миллера № 285, листъ 307, въ библіотекѣ московскаго главнаго архива.

Θедоровича и патріарха Филарета, отправилъ ее въ Москву. Пріобрѣтеніе такой святыни для нашей церкви было очень важно, но осторожный и мудрый патріархъ желалъ точно разслѣдовать происхожденіе присланной Ризы Господней, чтобы признать ее за истинную, такъ какъ историческихъ свидѣтельствъ на то не было. Поэтому, было повелѣно Грамотину подробно разслѣдовать и распроситъ у келаря Спаса Новаго монастыря старца Іоанникія о хитонѣ и прочихъ одеждахъ Іисуса Христа, а затѣмъ у прибывшаго въ Москву изъ Іерусалима голгофскаго архіепископа Θеодосія, какимъ образомъ захватилъ шахъ Аббасъ эту Ризу Господню и подлинная ли она [9]).

Въ 1626 году, 5-го февраля, Грамотинъ присутствовалъ при бракосочетаніи Михаила Θеодоровича съ Евдокіею Лукіановною Стрѣшневою и, въ числѣ пяти бояръ, шелъ за поѣзжанами передъ государемъ. Въ этомъ же году, Грамотинъ, по указу государя и патріарха Филарета, подвергся опалѣ и былъ сосланъ, подъ

[9]) Изъ дѣла Посольскаго Приказа о Ризѣ Господней. Оно полнѣе списка, принадлежащаго князю П. И. Вяземскому и напечатаннаго во 2-мъ т. Дворцовыхъ Разрядовъ, Спб. 1851 г.

стражею изъ 10 стрѣльцовъ,[10]), въ г. Алатырь Симбирской губерніи. Бантышъ-Каменскій, въ краткой біографіи Грамотина, говоритъ [11]), что, по преданію, Грамотинъ отправился въ ссылку, по настоянію Филарета, за волшебный крестъ и что поэтому будто бы государь неохотно разстался съ умнымъ дьякомъ, къ которому привыкъ; но, понятно, что тутъ играло роль не волшебство, а тѣ, можетъ быть; происки и интриги, посредствомъ которыхъ Грамотинъ хотѣлъ сдѣлаться первымъ министромъ, причемъ патріархъ Филаретъ, проницательный и умный старецъ, управлявшій тогда всѣми важными государственными дѣлами, конечно воспротивился этому, такъ какъ вѣроятно зналъ все прошедшее Грамотина и потому не довѣрялъ ему.

Грамотинъ оставался въ опалѣ и ссылкѣ до самой кончины патріарха; затѣмъ, въ 1634 году, былъ возвращенъ въ Москву и привлеченъ къ государственной дѣятельности; онъ снова вступилъ въ отправленіе должности думнаго дьяка и пожалованъ 2 іюня печатникомъ, съ повелѣніемъ писаться «ви-

---

[10]) Росск. Виоліофика, стр. 365.
[11]) Словарь достопамятныхъ людей. Ч. II. стр. 155.

чемъ» [12]), т. е. Иваномъ Тарасьевичемъ. Въ этомъ же году, Грамотинъ подписалъ, въ числѣ другихъ бояръ, договорную запись, заключенную между россійскимъ и голштинскимъ дворами, о пропускѣ товаровъ въ Персію, черезъ Россію (III Т. Историческ. Актовъ); кромѣ того, Иванъ Тарасьевичъ представлялъ государю, 18 іюня, персидскаго купчину и юргенскаго (Ургень, — Хива) посла и имѣлъ 9 августа конференцію съ шведскими послами; а въ 1635 году, съ литовскими [13]).

Бантышъ-Каменскій утверждаетъ, что Грамотинъ умеръ въ 1635 году. Между тѣмъ, въ Дворцовыхъ Разрядахъ 1637 года, стр. 557, находимъ слѣдующее мѣсто, указывающее, что И. Т. Грамотинъ еще въ 1637 году былъ живъ и состоялъ въ прежней должности печатника: «Того же мѣсяца ноября въ 4 день пошелъ государь молиться къ Живоначальной Троицѣ въ Сергіевъ монастырь. А на Москвѣ оставилъ государь бояръ: Ивана Петровича Шереметева, князя Ан-

12) Не только дворяне, но и князья писались полунмянемъ до 1702 года. Государи обыкновенно вмѣсто особой награды дозволяли нѣкоторымъ лицамъ писаться в и ч ъ.

13) Портфель Миллера, № 285, листъ 307—339.

дрея Васильевича Хилкова... да печатника Ивана Тарасьевича Грамотина, да думныхъ дьяковъ»... Вслѣдствіе этого, можно отнести смерть Грамотина къ началу 1638 года.

Вотъ дѣятельность этого порочнаго человѣка; но, помимо всѣхъ пороковъ, Грамотинъ былъ въ высшей степени корыстолюбивъ. Такъ напр. въ 1-й Псковской Лѣтописи говорится, что въ 1607 году Грамотинъ взялъ себѣ лучшія дворцовыя села въ помѣстья и въ кормленіе [14]); въ томъ же году, во время своего пребыванія во Псковѣ, онъ посылалъ «въ Ваймицы, на Куеву и по рѣкѣ Великой, грабить христіанъ и приказывалъ гнать ихъ скотину во Псковъ; самъ же выѣзжалъ изъ Пскова, бралъ многихъ христіанъ въ плѣнъ, пыталъ ихъ, на мздѣ великой отпущаеще» [15]). Были также жалобы, въ 1629 году, чернецовъ и крестьянъ Толоконцевской пустыни Нижегородской губерніи на принадлежавшихъ Грамотину приказныхъ и крестьянъ, причинявшихъ насилія и захватъ ихъ угодій [16]).

---

[14]) Русскія Лѣтописи. Т, IV.

[15]) Тамъ же, стр. 324.

[16]) Русск. Историческ. Библіотека, издав. Археографическою Коммисіею. Т. II, стр. 932—933.

Судя по тѣмъ отрывкамъ, которые мы нашли въ различныхъ документахъ, Грамотинъ имѣлъ вотчину въ Нижегородской губерніи и домъ въ Москвѣ, на Посольской улицѣ, въ Китай-городѣ (теперь Черкасскій переулокъ). При царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ, домъ этотъ былъ отписанъ изъ Посольскаго Приказа; въ немъ останавливались разныхъ государствъ послы, посланники и гонцы; тамъ же одно время живала грузинская царица Елена Леонтьевна; затѣмъ въ 1679 году, грамотою отъ 5 сентября, домъ этотъ былъ пожалованъ царемъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ боярину князю Михаилу Алегуковичу Черкасскому [17]),

[17]) По родословной книгѣ князя П. В. Долгорукова Спб. 1855 г. Ч. II, стр. 39,—№ 77, женатъ былъ на княжнѣ Евдокіи Ивановнѣ Пожарской.—Упоминаемая грамота въ которой описаны самый домъ Грамотина и прежнее назначеніе онаго принадлежитъ проживающему въ Москвѣ шталмейстеру двора Е. И. В. князю Борису Александровичу Черкасскому.